

НАРОДНЫЕ
ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ,
ПРЕДРАССУДКИ
И
ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

**НАРОДНЫЕ
ОБЫЧАИ, СУЕВѢРІЯ, ПРЕДРАЗСУДКИ
И
ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.**

Собраны въ 1861 — 1888 годахъ.

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО И МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ, САРАТОВСКОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ И
САРАТОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

А. Н. МИНХА.

УДОСТОЕНО ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
ОВРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВАРОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

1890.

НАРОДНЫЕ
ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ,
ПРЕДРАССУДКИ
И
ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

СОБРАНЫ В 1861-1888 ГОДАХ

САРАТОВ
• 1994 •

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

71085-123

БАЛАНОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ОБЛЮБОУЮЧАЯ СИСТЕМА

**РЕПРИНТНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЗДАНИЯ
1890 ГОДА**

Книга издана по инициативе Саратовской областной научной библиотеки и областного методического центра культуры и творчества. Она явилась продолжением общей работы по популяризации фольклора, истории, культуры, этнографии Саратовского края. Изданная впервые более ста лет тому назад, книга стала библиографической редкостью. Подлинный экземпляр книги хранится в фонде Саратовской областной научной библиотеки.

Для специалистов в области истории, этнографии и фольклора, работников учреждений культуры и всех, кто интересуется историей края.

Автор вступительной статьи —
профессор Саратовского университета
В. К. АРХАНГЕЛЬСКАЯ.
Художник Е. И. БОЧАРОВ.

М $\frac{1805080000}{176(02)-94}$

- © А. Н. Минх, 1890
- © В. К. Архангельская, 1994
- © Саратовский областной методический центр культуры и творчества, 1994

ПАМЯТНИК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В экземпляр книги «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии»¹, подаренный Радищевскому музею, А. Н. Минх сделал две вклейки: своей фотографии и более двух страниц собственноручно написанного «Предисловия ко 2-му тому дополнений». Оно является ничем иным, как краткой автобиографией, с показом жизненных обстоятельств, неизменно ставивших А. Н. Минха в близкие отношения с народом.

«Почти всю жизнь провел я с нашим народом», — начинает А. Н. Минх свое «Предисловие». Детство прошло в еще крепостной деревне, принадлежавшей отцу. И далее идут сведения об участии в войне с Турцией, приблизившем молодого юнкера-добровольца к рядовым: «...как близки были мы с солдатами; как знали их жизнь, характер, нужду и радости; как часто, сидя у bivачных костров, слушаешь их разговоры и рассказы; сколько раз, бок о бок, приходилось видеть нашего солдата — и в темную, бурную ночь в цепи на аванпостах у Черного моря под Евпаторией, — и в бою под ядрами и пулями у Сак, Чеботарей... под бомбами и гранатами в Севастополе.; — и на отдыхе., когда, после выпитой кружки, далеко несется по стене лихая эскадронная песня...» Видел их ранеными, а после войны вез солдат-георгиевских кавалеров в Петроград, чтобы «представить их государю». По окончании стрелковой офицерской школы инструктор А. Н. Минх «опять попал в самые близкие отношения с солдатами, обучая их грамоте, стрельбе и обращению с оружием... Открылась воля, и я был вызван в 1861 г. в свою губернию мировым посредником, а затем стал мировым судьей.

Прошло 36 лет сряду, в которые я, почти без промежутков, близко жил с русским простонародьем: воином и пахарем; нетрудно было, любя этот народ, посвятив себя той деятельности, которую я избрал, и как помещику, хорошо узнать в это долгое время русского человека, его качества и недостатки, его радости и горе, его понятия и заблуждения, вообще весь строй его жизни».

Эта запись сделана в марте 1890 г. в Полчаниновке, имение автора.

Александр Николаевич Минх (1833—1912) занимает почетное место среди собирателей фольклора Саратовского Поволжья

---

¹ Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: Собраны в 1861—1888 годах. — СПб., 1890. — 152 с. — (Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по отделению этнографии; Т. 19, в. 2). Экземпляр книги хранится в отделе редких книг Зональной Научной библиотеки Саратовского университета. В дальнейшем: «Народные обычаи...».

XIX в., таких как А. Ф. Леопольдов, Н. И. Костомаров и А. Н. Мордовцева, М. Е. Соколов.

Книга «Народные обычаи...» родилась не вдруг, она имеет свою, довольно длительную историю. Во Введении А. Н. Минх пишет, что многое из вошедшего в нее печаталось в двух томах «Саратовского сборника», в «Древностях» и в местной периодической печати. В самом деле, в «Древностях» А. Н. Минх объяснил многие понятия в их бытовом функционировании у поволжских народов: «Бука» (у мордвы), «Бык-гора», «Веснянки» (у мордвы), «Гадание» (у мордвы), «Жениханье» (у малороссов), «Колядашки» (у мордвы), «Кони» (обрядовые лепешки у мордвы), «Кузьминки», «Лукша» (обрядовый пирог на мордовской свадьбе), «Молян» (у мордвы), «Обрядная курица», «Очепок» (у малороссов), «Панара» (у мордвы), «Повойник», «Петров крест», «Спрыг-трава», «Погребальные обряды мордвы», «Приворот», «Проклятый», «Разрыв-трава», «Собина», «Сыпчина» (у мордвы)². Многие из этих слов можно найти в оглавлении к книге.

О суевериях русских крестьян А. Н. Минх рассказал в этнографических частях очерков «Коленская волость Аткарского уезда»³ и «Саратовский уезд»⁴; — в последнем и о поселении, свадебном обряде, праздниках и суевериях немцев Ягодной Поляны. Эти материалы, а также очерк Ф. С. Голицына «Мордва в Хвалынском уезде»⁵ составили ядро книги «Народные обычаи...».

При этом из очерков в книгу А. Н. Минхом не были перенесены тексты тех песен (хороводных, любовных, плясовых), которые непосредственно не связаны с обрядовыми действиями на Троицу и Русальную неделю, и оставлены лишь обрядовые, русские и малороссийские. Автор расстался и с текстами свадебных песен («Саратовский уезд»): видимо, считая их общеизвестными, он только назвал их. Он стремился сделать книгу цельной в тематическом и жанровом отношении, сосредоточиться на обычаях, поверьях.

К истории труда А. Н. Минха «Народные обычаи...» непосредственное отношение имел выдающийся этнограф А. Н. Пыпин. В своем благожелательном отклике на «Саратовский сборник» (1881 г.) он указал на настоятельную необходимость для науки развития местных изучений, отличающихся крайней неполнотой, сведений о современном народном быте, местных песнях, описаний местных обычаев, преданий. (Разрядка моя. — В. А.). «Для историков и этнографов поныне составляет немалую задачу объяснение взаимных и исторических от-

² Древности//Тр. имп. Моск. археол. о-ва. 1885. — Т. 10. — С. 204—217.

³ Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ. — Саратов: Изд. Саратов. стат. ком. 1881. — Т. 1. — С. 65—117.

⁴ Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ. — 1882. Т. II. — С. 203—327.

⁵ Саратовский сборник. — Т. 1. — С. 177—195.

ношений племен великорусского и малорусского», — писал он. Саратовский край рассматривался А. Н. Пыпиным как «одна из крупных частей Нижнего Поволжья», со своей историей, в которой должны быть учтены времена татарской орды, подвигов понизовой вольницы, Степки Разина, Пугачевщина. «Мало исследована и старина народных преданий, которая еще может быть найдена и сохранена»⁶. В других рецензиях на этнографические издания, связанные с Поволжским регионом, в ряду его особенностей он называл бурлачество и свивший здесь гнездо раскол⁷.

За всей этой программой просматриваются разные этнографические и исторические аспекты труда А. Н. Минха «Народные обычаи...» и предшествующие ему обращения к обрядам русских, мордвы, малороссов в «Древностях».

А. Н. Пыпин имел непосредственное отношение и к издательской судьбе книги А. Н. Минха. Ее рукопись, посланная автором в феврале 1887 г. «в дар и полное распоряжение» этнографического Отделения Русского географического общества, поступила на отзыв саратовцу А. Н. Пыпину. На заседании Отделения 28 апреля он характеризовал А. Н. Минха как человека, известного в этнографической литературе, знакомого с ее научными требованиями, а его «Сборник» как заслуживающий «особенного внимания»: в нем «множество подробностей для определения народных верований и обычаев, драгоценных для исследователя народной жизни Поволжья». В заслугу автору он ставил обращение к этнографическим чертам и быту не только русских, но также малороссов, мордвы, чуваш, немцев, преданиям о разбойничестве, нашедшим здесь приют в связи с окраинным положением края. Особенную ценность книги А. Н. Пыпин видел и в том, что факты в ней переданы «в их реальной бытовой обстановке», рассказы «беспрестанно сопровождаются примерами, указанием мест и лиц, объяснением обстоятельств, в которых применяется то или другое поверье и суеверие». По мнению рецензента, труд заслуживал «издания его в цельном виде, как специальный сборник народных преданий и поверий». А. Н. Пыпин рекомендовал «почтить давние труды А. Н. Минха в этой области избранием его в члены-сотрудники Отделения», что и было сделано⁸.

Книга А. Н. Минха отвечала и научным, и социально-практическим требованиям времени. Она содержала материал о подлинном быте крестьян четырех основных этносов определенного региона — русских, малороссах, мордве и немцах (частично чувашей и татар), быте, исполненном суеверий и поэзии. Этот труд мог содействовать познанию народа. «Этнография не есть наука

⁶ Вестник Европы. — 1881. — № 7. С. 438—440.

⁷ См.: Вестник Европы, 1881, № 11; 1884, № 10; 1885, № 7 и др.

⁸ Журнал заседания Отделения этнографии от 27 марта — 28 апреля 1887 года // Изв. Русского географ. с-ва. — Т. XXIII. — С. 400—402.

книжная», этнографические исследования — нравственная обязанность общества, — писал А. Н. Пыпин⁹. В письме А. Н. Минху от 4 февраля 1888 г. он писал, что «просвещенные люди» на местах могли бы часть своего досуга посвятить изучению народа, «который всё ещё остается для нас сфинксом и от которого в конце концов зависит всё наше государственное и национальное значение»¹⁰.

Книга А. Н. Минха вписывалась в свою эпоху: в последней трети XIX в. материалы о бытовых суевериях, мифологических представлениях народа постоянно публиковались в местной периодической печати. Одни авторы собирали их, потому что были обеспокоены возможностью их исчезновения, другие видели в них темные стороны народного быта и сознания, с которыми нужно бороться. Ученых интересовал феномен «культурных переживаний» — сохранение отголосков далекого прошлого в современных понятиях всего общества.

Обозначилась тенденция видеть в них лишь чисто внешние проявления бытовой жизни, дань поэтической традиции. Так, Н. И. Костомаров писал, что народ перестает придавать значение старым обычаям и обрядам; «они остаются только какою-то художественною обстановкою жизни», но никак не строгим законом, убивающим свободу мысли¹¹.

Книга А. Н. Минха «Народные обычаи...», как и многие другие работы, опровергала мысль Н. И. Костомарова, что с вхождением в жизнь новых понятий и обычаев старина теряет свое значение. Ее материалы показывали жизнь крестьян всех национальностей, опутанной нелепыми суевериями, приметам, предрассудками, сопровождающими каждый их шаг, светлые дни отдыха, праздников и трудовых будней, радости и горя. Предрассудки передаются как завещание предков, необходимое в повседневной жизни. Объяснение этому он ищет в отсутствии «не только образования, но и грамотности» (с. 13). Но оказывается, «вера эта и предрассудки еще до сих пор встречаются и в нашем барском быту», признает А. Н. Минх в очерке «Колеская волость Аткарского уезда»¹² и повторяет в книге (с. 47—48). Если в очерке «Саратовский уезд» он писал, что «благодаря развивающейся грамоте народ бросает мало-помалу свою веру в чародейную силу... ведьмы и колдуны совсем перевелись в Иолчаниновке»¹³, то в книге читаем иное: «Мне довелось (в 1887 г.) го-

⁹ О задачах русской этнографии // Изв-в имп. Русского геогр. о-ва. — Т. XXI. — 1885. — С. 480—481.

¹⁰ Государственный архив Саратовской области. — Ф. 407. — Е. х. 444.

¹¹ Цит. по статье: Покровский П. А. Потеряла ли свою законную силу бытующая старина в сознании русского народа? // Тр. Этногр. отд. имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. — 1887. — Кн. 7. — С. 55.

¹² Саратовский сборник. — Т. I. — С. 104—105.

¹³ Саратовский сборник. — Т. II. — С. 289—290.

ворить с молодыми парнями 20—25 лет из с. Полчаниновки и д. Федоровки (Саратовского у.): они вполне верят в колдунов, в их порчу и навешивание кил» (с. 16). О скептическом отношении к приметам, поверьям А. Н. Минх не пишет.

Заметим, что А. Н. Пыпин, не раз с тревогой писавший об исчезновении старины и необходимости ее собирания, о книге А. Н. Минха говорил: «...в крае, далеком от центров, сохранилась свято народно-бытовая и народно-поэтическая старина»¹⁴.

В параллельном описании А. Н. Минхом проявлений в бытовой практике этносов элементов традиционной культуры заметна тенденция к выявлению нечасто встречающегося или отмеченного особенной древностью. С другой стороны, он отмечает обычаи, изжившие себя. Так, отказавшись от излишних подробностей в описании похоронного обряда, А. Н. Минх пишет: «приведу только несколько обычаев, которые встречаются реже в других местностях России» (с. 130). Действительно, редок идущий «со старины» обычай крестьян д. Алексеевки Аткарского уезда вывешивать на 6 недель белый платок на окно той избы, где был покойник, чтобы его летающая вокруг и плачущая о своих грехах душа могла им утереться (с. 130).

Как об ушедших или уходящих обычаях, совершаемых на сороковины, А. Н. Минх пишет о проводах души с плачем за воротами крестьянами д. Бедняковки Аткарского у. (было в 60-е годы) или обычае мордвы олицетворять душу умершего в живом человеке и провожать ее с молитвами о хозяйственном благополучии (с. 136).

Расположение материала — от одного народа к другому — делает чтение книги увлекательным. Познакомившись с рассказами о колдунах русских крестьян, читатель переходит к «чаровникам» и «чаровницам» малороссов, к оригинальным способам гаданий у тех и других, к особенностям рождественских обычаев у русских и мордвы, у малороссов и русских и т. п. Он увидит не только многовариантность таусиней, колядок у русских и украинцев, но и особенность этих древних песенок у последних: насыщенность их христианской образностью. Нельзя не заметить отчетливой направленности колядок мордвы на хозяйственное и семейное благополучие: «Коляда! Родился бы хлеб соломой с оглоблю, с дугу колосом, с колядковую лепешку зерном!.. Давай, баба, лепешки! Если не дашь, родишь сына — паршивый будет, по полкам бегать будет, с полки упадет в лукошко, а из лукошка на быка...» (с. 91—93). Пасхальный обычай малороссов освящать в церкви «всю провизию или уже непременно поросенка и свиное сало в добавление к куличу и сыру» А. Н. Минх считает привезенным с родины (с. 101). Действительно, у украинцев и белорусов «в число пасхальных блюд входил

---

¹⁴ Изв. Русск. геогр. о-ва. — Т. XXIII. — С. 402.

поросенок, который освящался в церкви»¹⁵. В то же время и русские, и малороссияне с Широкий Уступ Аткарского уезда на другой день «обходят с иконами и хоругвями, взятыми из церкви, кругом села для охраны его от всяких несчастий и пожара... (с. 101).

Характерным для русского народа пасхальным обычаем А. Н. Минх считает «рели» (качели) и катание яиц на улице. По его мнению, немцы (Ягодная Поляна) усвоили его у русских (с. 102). На магический смысл раскачивания вверх и вниз в древности — стимулирование роста растительности¹⁶ — А. Н. Минх не указывает, видимо, качели стали простым развлечением.

Так, из описаний «поверий, обычаев и обрядовой жизни» (с. 1) читатель увидит, что «типы народностей», населяющих Саратовскую губернию, в самом деле «резко отличаются друг от друга и в редких случаях сливаются (за полным исключением немцев и татар) в общерусский характер» (с. 3).

Ни разу А. Н. Минх не обмолвился о враждебном отношении друг к другу живущих рядом национальностей. Было иное: на Новый год «русские крестьяне из соседних селений навещают своих знакомых немцев», на что колонисты отвечают тем же (с. 100).

Книге А. Н. Минха более ста лет. До нее (в 1848 г.) А. Терещенко напечатал, помимо русской, «Свадьбу переселенцев-малороссиян, находящихся в Саратовской губ.»¹⁷. История и быт мордвы сел Оркино, Сухой Карабулак Саратовского уезда, отразившиеся в преданиях и поверьях, ее поэтические произведения нашли место в капитальном труде А. А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник» (СПб., 1910), дополненном большим очерком А. Н. Минха «Извлечение из историко-географического описания Озерской волости» (о мордве с. Оркино, с. 681—720).

В 1922 г. вышел «Саратовский этнографический сборник», включивший материалы о быте, обрядах, народном творчестве саратовской мордвы. Автором этого научного труда стал М. Т. Маркелов, ученик проф. Б. М. Соколова, мордвин. В предисловии «От редактора» Б. М. Соколов писал, что первый выпуск «кладет начало опубликованию... обширного материала по изучению быта и творчества разноплеменного населения Саратовского края», накопленного за последние три года¹⁸

---

¹⁵ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. — М., 1979. — С. 111.

¹⁶ Там же, с. 118.

¹⁷ Быт русского народа. Сочинение А. Терещенко. В VII частях. Ч. II. — СПб., 1848. — С. 565—593.

¹⁸ Саратовский этнографический сборник. — П. 1/Под ред. проф. Б. М. Соколова. — Саратов: Изд. морд. подотд. губотд. по делам нац. при Сарат. Губисполкоме. — Саратов, 1922.

Однако планам подобного рода монографических исследований не суждено было осуществиться. Изучения саратовских чувашей, мордвы, татар, украинцев, немцев вылились в статьи¹⁹, доклады. Вместе этнос Поволжья был представлен в Этнографическом музее Саратовского края, открытом в 1920 г. по инициативе того же Б. М. Соколова. Он стал «зеркалом прошлой и современной жизни всех национальностей края...»²⁰, русского, украинского, мордвы, чувашей, татар и немцев.

Сборники русского (частично мордовского) фольклора разных жанров по материалам экспедиций Б. М. Соколова, Саратовского музея краеведения, Саратовского университета, с научными статьями, комментариями издавались на протяжении 30—90-х годов.

Книга А. Н. Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии» остается поэтическим памятником традиционной крестьянской культуры народов Поволжья в ее национальной специфике и взаимовлияниях на протяжении XIX — начала XX вв. Она не потеряла своего научного значения и интереса для широкого читателя, желающего знать историю своего народа.

В. Архангельская

---

¹⁹ Печатались в Трудах Нижне-Волжского областного Общества краеведения.

²⁰ Саратовские известия. — 1921. — 14 мая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этнографическое Отдѣленіе И. Р. Географическаго Общества поручило мнѣ наблюденіе за изданіемъ настоящаго очерка. Трудъ г. Минха привлекъ вниманіе Отдѣленія какъ опытъ цѣльнаго этнографическаго очерка края, до сихъ поръ весьма недостаточно изслѣдованнаго, — опытъ, который не беретъ на себя дать исполнѣ научныя объясненія предмета, но имѣетъ особенную цѣну какъ собраніе матеріала, сдѣланное мѣстнымъ старожиломъ, близкимъ къ народной средѣ.

Мы передали трудъ г. Минха вообще безъ измѣненій, сокративъ лишь нѣкоторыя цитаты по общимъ вопросамъ Этнографіи и исключивъ нѣсколько варіантовъ сообщенныхъ у автора апокрифическихъ рукописей: этнографическія сличенія, уже собранныя другими въ гораздо бѣльшемъ количествѣ, принадлежатъ спеціальнымъ общимъ изысканіямъ въ области народнаго міра и обычая; варіанты «Сна Богородицы» или «Хожденія по мукамъ», произведеній не разъ изданныхъ, давали только варіанты безграмотнаго искаженія текстовъ, не представляя интереса по существу. Апокрифы объ Адамѣ и ап. Павлѣ переданы авторомъ по извѣстнымъ текстамъ вѣроятно для общаго ознакомленія читателя съ характеромъ подобныхъ произведеній. Мы оставили также безъ измѣненій записи малорусскихъ пѣсень, — возможные неточности записи будутъ видны спеціалистамъ, между тѣмъ при исправленіи могли бы исчезнуть какія-либо отличія мѣстнаго говора.

Трудъ г. Минха конечно не исчерпываетъ предмета, но онъ именно важенъ какъ болѣе или менѣе цѣльный опытъ мѣстной этнографической любознательности, распространеніе которой послужило бы съ большою пользою для общихъ изслѣдованій въ этой области народовѣдѣнія. Когда печатаніе настоящаго очерка было уже въ ходу, авторъ доставлялъ въ Этнографическое Отдѣленіе дополненія, которыми уже неудобно было воспользоваться: когда новые матеріалы г. Минха соберутся въ бѣльшемъ количествѣ, Этнографическое Отдѣленіе по всей вѣроятности также воспользуется ими для своихъ изданій.

А. Пыпинъ.

Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи.

(Собраны въ 1861—1888 годахъ)

Введеніе.

Изложенные здѣсь рассказы и очерки собраны лично мною и, подъ моимъ руководствомъ, лицами, на которыхъ я вполне могъ положиться*), а также княземъ Ф. С. Голицынымъ, почтеннымъ изслѣдователемъ Хвалынскаго края. Многое изъ нашего общаго труда вошло въ первые два тома «Саратовскаго Сборника» (изданнаго Саратовскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ), въ мѣстныя Губернскія Вѣдомости, частью же помѣщены въ «Древностяхъ», изданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Всѣ собранныя здѣсь данныя относятся къ 1861—88 годамъ. Помѣщая народные рассказы, я отмѣчаю, гдѣ и когда они слышаны.

Прежде чѣмъ обрисовать повѣрья, обычаи и обрядовую жизнь Саратовскаго края, я набросаю короткій этнографическій очеркъ народностей, населяющихъ эту губернію. *Русскіе* составляютъ у

---

*) Сотрудниками моими за всѣ 28 лѣтъ собранія приводимыхъ данныхъ были: священникъ П. Оргійскій, писмоводитель А. Е. Дворниковъ, священникъ А. М. Розановъ, священникъ Ив. Н. Лебединскій, учитель И. А. Троицкій, учитель И. В. Зеленевскій, восторъ Кань, писмоводитель С. Е. Крашенинниковъ, учитель А. Л. Леонтьевъ, священникъ П. Е. Гераклитовъ, волостной писарь П. П. Лебедевъ, земскій докторъ Н. И. Кондратьевъ, учитель С. Т. Красвинниковъ, А. Н. Бубнова, С. И. Синева, писмоводитель М. А. Волковъ, учитель П. А. Тугариновъ, волостной писарь Г. Г. Шнейдеръ и земскій докторъ М. И. Шмукеръ.

пасъ преобладающее большинство надъ другими племенами во всѣхъ уѣздахъ губерніи, кромѣ Камышинскаго, гдѣ число нѣмецкихъ колонистовъ, вмѣстѣ съ малороссіянами, составляютъ $\frac{3}{5}$ общаго населенія. Численность всѣхъ русскихъ въ губерніи составляетъ около $\frac{3}{4}$ всего населенія края; всѣ они—выходцы и переселенцы изъ внутреннихъ губерній государства. Вторую этнографическую группу составляютъ *Малороссы*, пришельцы изъ Украйны и переведенцы изъ Воронежской губерніи; они сѣли здѣсь послѣ 1717 года *), преимущественно вольными солевозцами, съ 1731 г., и наконецъ крѣпостными переведенцами помѣщиковъ: графа Воронцова и друг., уже въ концѣ прошлаго столѣтія; изъ документовъ Шацкого Архива 1761 г. (журналы Тамб. учен. архивн. комиссін) видно, что они еще до 1760 года самовольно селились въ крѣпостныхъ дачахъ Нарышкина при рѣчкахъ Хопрѣ, Медвѣдицѣ, Терсѣ, Елапи и впадающихъ въ нихъ рѣчкахъ, распахивали земли, сѣяли хлѣбъ, косили сѣно, строили для скота хутора и заводили пчельники. Вообще малороссы населили южную половину губерніи, уѣзды: Саратовскій, Аткарскій, Балашовскій, Камышинскій и Царицынскій. *Нѣмцы* — выходцы изъ разныхъ государствъ Германіи, явились сюда съ 1765 года и составляютъ по численности третью группу населенія; они заняли въ Саратовской губерніи слѣдующіе уѣзды: Саратовскій, Аткарскій, Камышинскій и въ Царицынскомъ — колонію Сарента. Послѣ этихъ трехъ народностей четвертое мѣсто занимаетъ *Мордва*, населяющая сѣверную часть губерніи, уѣзды: Петровскій, Хвалынскій, Кузнецкій, Вольскій и частью Саратовскій. Ихъ два колѣна—*Эрзя* и *Мокша*, отличающіеся только нарѣчіемъ: «у мордвы — двѣ морды (два языка), а шкура одна», говоритъ русская поговорка въ Хвалынскомъ уѣздѣ. Остальные народцы составляютъ меньшинство общаго населенія. *Татары* живутъ въ уѣздахъ Вольскомъ, Хвалынскомъ, Куз-

---

*) Полагаютъ, что малороссіяне появились въ южныхъ предѣлахъ Саратовской губерніи только въ началѣ XVIII столѣтія: въ 1717 году вторгнулись въ Саратовскій край кубанскіе татары и произвели въ немъ, и безъ того немногочисленному, сильное опустошеніе; Петръ Великій приказалъ тогда, для предупрежденія подобныхъ вторженій, устроить отъ *Дмитріевска* (нынѣшняго Камышина) къ Иловѣ, или отъ Царицына къ Дону, сторожевую линію, поселивъ на ней исключительно малороссіянъ.

недкомъ и Петровскомъ; *Чуваши* находятся въ уѣздахъ Кузнецкомъ, Петровскомъ, Хвалынскомъ и Вольскомъ; *Мещера*, одни изъ самыхъ старыхъ поселенцевъ этого края, сидѣвшіе здѣсь еще во второй половинѣ XVI-го вѣка, составляютъ самую незначительную группу населенія Саратовскаго края, почти совершенно слившуюся съ русской народностью и утратившую племенные обряды и обычаи; бродячее племя *Цыганъ* (барышники и копокрады) живутъ преимущественно осѣло въ городахъ Петровскѣ, Вольскѣ, Аткарскѣ и Царицынѣ. Сравнивая заселеніе Саратовскаго края, мы видимъ въ этнографическихъ группахъ (кромѣ Великороссовъ) осѣданіе народностей въ излюбленныхъ мѣстностяхъ, а именно: малороссы занимаютъ преимущественно степныя мѣста—югъ губерніи; почти тоже дѣлаютъ вѣмды, которыхъ нѣтъ въ сѣверной половинѣ края, хотя послѣднее можно приписать правительственной мѣрѣ, опредѣлившей при Императрицѣ Екатеринѣ II *округу для поселенія иностранныхъ*; мордва садится на сѣверѣ губерніи, въ бывшихъ тогда лѣсистыхъ мѣстахъ, и положительно не переходитъ въ южную часть края; наконецъ татары и чуваши тоже занимаютъ сѣверный лѣсистый край нынѣшней Саратовской губерніи.

Типы этихъ народностей рѣзко отличаются другъ отъ друга и въ рѣдкихъ случаяхъ сливаются (за полнымъ исключеніемъ вѣмцевъ и татаръ) въ обще-русскій характеръ.

Русскій мужикъ, какъ человѣкъ рабочій, неопрятенъ: грязное бѣлье и рваное платье, нечистота въ избѣ, — вотъ что встрѣтимъ шесть дней въ недѣлю въ каждой деревнѣ и почти у каждаго крестьянина. Въ праздникъ только смѣнитъ онъ чистую рубаху, порты и *онучи*, надѣнетъ новую сермягу или полушубокъ, обуется въ сапоги или новыя лапти; баба обмоетъ лавки и вычиститъ избу. Одежда русскаго человѣка — посконная *), рѣдко холщевая (льняная) рубаха, поясъ изъ шерстяного шнурка, порты изъ свней полосатой *набойки* (крашеный холстъ), *онучи* (кусокъ холста или шерстяной лоскутъ, которымъ обертываютъ ноги), лапти или сапоги, шапка или картузь; лѣтомъ—сермяга, зимунъ (халатъ, спускающійся до колѣнъ) изъ чернаго или сѣраго толстаго сукна русской шерсти;

---

*) *Посконъ* добывается изъ волоконъ конопля; ее выбираютъ въ половинѣ іюля.

зимою—полушубокъ изъ бѣлыхъ или дубленыхъ овчинъ, и тулупъ. Въ праздникъ молодые парни надѣваютъ красныя кумачевыя или цвѣтныя ситцевыя рубахи, суконныя, нанковыя или верблюжьи (изъ верблюжьяго сукна) *чуйки* (халаты) на опашъ или новыя армякы, подпоясывая послѣднiе краснымъ шерстянымъ кушакомъ; зимою—дубленые полушубки, подпоясанные тоже цвѣтными кушаками. Головной уборъ въ праздникъ составляетъ: лѣтомъ суконный картузь и рѣдко войлочная (поярковая) шляпа съ короткими полями; зимою, у щеголей, — сѣрая барашковая шапка (крымки) съ суконнымъ донцемъ. Въ извозѣ, зимою, мужикъ надѣваетъ преимущественно *малахай*, овчинную дубленую шапку; въ непогоду малахай спускается и завязывается подъ бороною, закрывая затылокъ, шею и даже щеки; лѣтъ десять тому назадъ стали употреблять вмѣсто малахаевъ башлики. У зажиточныхъ крестьянъ сапоги зимою замѣняются войлочными валенками; бѣдному служатъ тѣже лапти, но онучи—шерстяныя. Въ холодъ и въ извозѣ мужикъ надѣваетъ *варезки*, вязанныя изъ шерсти, а на нихъ *рукавицы* изъ дубленой овчины. Бабы и дѣвки надѣваютъ въ праздникъ сарафаны (*сукманы*) изъ шерстяной ткани, окрашенной синею краскою, или же изъ ситцу,—послѣднiй обыкновенно яркихъ красныхъ цвѣтовъ,—при чемъ перетягиванiе груди по срединѣ сарафаномъ и передникомъ сильно портитъ ихъ, придавая имъ некрасивыя формы. Около десятка лѣтъ сарафанъ начинаетъ исчезать въ русскомъ народѣ и появляется безобразный покрой мѣщанскаго платья съ кофтой. Голова бабы повязана яркимъ платкомъ съ завязанными сзади, подъ косою концамъ; подъ платкомъ надѣтъ у бабы *повойникъ*: родъ шапочки съ жгутомъ приходящимся прямо надъ теменемъ; *кички* совершенно исчезли въ нашемъ краѣ. Дѣвки или ничего не надѣваютъ на голову, распуская одну косу, въ которую вплетаютъ *космики* — шелковую ленту или полосу какой-либо другой ткани, чаще же накладываютъ на голову косынку или платокъ, завязывая концы подъ подбородкомъ; обувь составляютъ чулки, лапти, *коты* (съ толстой подошвой) и башмаки; на работѣ онѣ большею частью ходятъ босыя.

Входъ въ русскую крестьянскую избу обыкновенно со двора; у зажиточныхъ бываетъ и съ улицы, тогда устраивается крыльцо съ навѣсомъ. Изба состоитъ изъ двухъ частей: сѣней и собственно

избы (горницы); послѣдняя рубится отдѣльнымъ срубомъ изъ сосновыхъ полубрусинъ, преимущественно *тройника* (т. е. трехъ саженой длины) или круглыша чернолѣся; сѣни прилаживаются изъ круглыша или досокъ, всегда *холодные* (безъ печи), и у богатыхъ мужиковъ служатъ часто связью двухъ срубовъ (избъ); въ сѣняхъ устраивается иногда небольшая кладовая или чуланъ. Фундамента на бутѣ у избъ не дѣлается, а ставится она *на стульяхъ* — деревянныхъ толстыхъ столбикахъ или большихъ камняхъ; пространство между нижнимъ *стѣномъ* и землею набивается глиной или землей между двухъ плетней — дѣлается *завалина*; на зиму баба *ухватываетъ* избу, т. е. обмазываетъ ее снаружи глиной, въ особенности пазы, и заваливаетъ *завалину* наземомъ или старой соломой, чтобы не дуло. Изба состоитъ изъ одной горницы, раздѣленной у зажиточныхъ крестьянъ легкой досчатой перегородкой на два отдѣленія. Въ заднемъ углу, у входа, становится русская печь, обращенная челомъ къ *свету* (окну); печь эта топится по *бѣлому* или *черному*: въ первомъ случаѣ она имѣетъ трубу, выходящую надъ крышей, въ послѣднемъ же трубы нѣтъ и дымъ, выходя изъ устья печи, наполняетъ избу и уходитъ въ отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ подъ потолкомъ и затыкаемое тряпкой, и въ растворенную дверь. Русская печь дѣлается большая, четырехугольная, немного ниже росту средняго человѣка, настолько помѣстительная, что на ней могутъ въ зимній холодъ расположиться свободно человѣка два, три, а внутри нѣсколько хлѣбовъ, а подъ часъ и самъ хозяинъ, когда ему вздумается выпариться. *Устье* печи — полукруглое, просторное; передъ нимъ *предпечье* съ *шесткомъ*, послѣднее есть продолженіе дна печи передъ устьемъ въ предпечьи; на немъ становятся вынутые изъ печи горшки съ пищею; устье закрывается желѣзнымъ *заслономъ*. Печь не доходитъ до полу; съ боку — пустое пространство между печкой и стѣной, называемое *запечьемъ*, забирается деревомъ, туда кладутся ухваты, сковородники, кочерги и проч. При топкѣ употребляется желѣзная кочерга на деревянномъ древкѣ; для посадки хлѣбовъ — широкая деревянная лопата, а для установки горшковъ со щами, похлебкой и кашей — *ухваты*. У печи помѣщается *ушатъ* или лохань, на трехъ ножкахъ, и надъ нимъ виситъ на веревочкѣ умывальникъ или глянцанный горшокъ и подотенце. Около печи, на половину

избы закрываютъ потолокъ *палати*: помость изъ досокъ, устроенный на перекладинахъ на аршинъ ниже потолка, куда забирается спать семья и гдѣ обыкновенно хранятся незатѣйливныя принадлежности крестьянской постели и поспяная одежда. Около входной двери у стѣны помѣщается лавка или ларь, называемые *коникомъ*; отъ него тянется по двумъ другимъ стѣнамъ *красная* лавка, здѣсь въ *переднемъ углу* лицевой стороны избы помѣщается рѣзной кивотъ съ иконами, а часто простая трехъ-угольная полка, на которой помѣщается образъ; въ этомъ же углу *) становится столъ, накрытый въ праздникъ, при гостяхъ, а также за обѣдомъ и ужиномъ толстой скатертью или *столешникомъ*. Въ русскихъ избахъ грязно, напротивъ у малороссiянъ и нѣмцевъ всегда чисто и опрятно (такъ и у молоканъ), воздухъ въ ихъ жилищахъ не бываетъ такимъ спертымъ и прогорклымъ, какъ у русскихъ. Украшенiя въ нашихъ русскихъ избахъ рѣдки; иногда попадаются прибитыя къ стѣнѣ лубочныя картины духовнаго содержания: страшный судъ и дьяволъ въ видѣ огромнаго змѣи, раздѣленнаго красными и зелеными полосами съ надписью на каждой: злоба, пьянство, блудъ, и прочихъ грѣховъ; тутъ же лубочные портреты великихъ полководцевъ съ расположенными около ногъ лошади войсками, которымъ «богомазь» однимъ почеркомъ кисти далъ общiй красный воротникъ, задѣвая подбородки, плечи и грудь; тутъ же мыши kota хоронятъ, русскiя пѣсни и сказки въ лицахъ, съ изложенiемъ безграмотнаго текста. Въ настоящее время старая лубочная живопись начинаетъ исчезать, замѣняясь болѣе отчетливой. Русская изба въ особенности грязна зимой, когда жилье наполняется овцами, телятами, иногда свиньями, которыя тутъ почуютъ; сюда же вводятъ въ зимнiе холода и коровъ для удоя. Не приведи Богъ загнанному мятелю, непривычному путнику заночевать въ небогатой избенкѣ русскаго мужика: его задушитъ одна нестерпимая вошь живыхъ существъ—человѣка и скота, заѣдятъ клопы и блохи, засынятъ тараканы.

Въ каждомъ дворѣ живетъ одна, рѣдко нѣсколько семей. Послѣ освобожденiя крестьянъ, съ 1861 г., семейные раздѣлы стали повсемѣстно часты, и потому теперь встрѣтить въ избѣ двѣ семьи,

---

*) Уголь этотъ считается почетнымъ и важнаго гостя или почтеннаго старца всегда сажаютъ «ноду образа».

даже родныхъ сыновей, рѣдкость; въ крѣпостное время помѣщики запрещали раздѣлы, зная по опыту, что большая семья всегда *спорте* и потому зажиточнѣе, такъ какъ дворъ состоялъ изъ большаго числа *тягло*, т. е. работниковъ и работницъ (мужъ и жена составляли *тягло*). Каждый дворъ имѣетъ старшаго: *большака*, *главу* или *домохозяина*, который распоряжается всеѣмъ въ домѣ и остальной семьей; ему всегда почетное мѣсто за столомъ, въ *переднемъ углу*, подъ образами. Лѣто крестьянинъ цѣлый день въ полѣ: съ равней весны идетъ посѣвъ яроваго; въ короткое *междунарье* (время послѣ яроваго сѣва и пашкою *паровъ* подъ озимь) крестьянинъ *норовитъ «сходить въ извозъ»*; тамъ настаетъ *мѣтка паровъ* и покось, за ними подошла уборка ржи, посѣвъ *озимаго поля*, а тамъ уборка яроваго хлѣба, возка сноповъ в *ломка* (пашка) *жнивьевъ* подъ яровое будущаго года. Въ ясную осень тянется молотьба и продолжается все *первозимье*; зимою — *извозъ*; и такъ проходитъ изъ году въ годъ у нашего крестьянина. Старшой — дѣдъ или отецъ семейства — есть полный властелинъ въ домѣ; за нимъ второе лицо — старшій сынъ, остальные ничто больше, какъ работники; женщина стоитъ на заднемъ планѣ, она не имѣетъ голоса, должна безпрекословно слушаться старшаго и своего мужа; отношенія ея къ послѣднему какъ работницы къ хозяину; часто достается ей отъ него, но побои мужа не ставятся ему въ укоръ *) и за урядъ сыплются они на несчастную за какой-либо проступокъ, а больше совершенно безвинно, подъ пьяную руку. Жена не имѣетъ доли въ доходахъ своего *хозяина*; на обувь и наряды у нея свой доходъ: посѣвъ конопли и льна, отъ которыхъ достается ей *поскомъ* и *льнище*, идущіе на холсты, зерно же поступаетъ хозяину; сверхъ того у нея нѣсколько овецъ, подарокъ отца или тестя, *сѣбина* (Аткарскій уѣздъ), доходъ съ которыхъ идетъ ей. Дѣти до 8-лѣтняго возраста ничего не дѣлаютъ; оставленные почти безъ всякаго призора, босикомъ, въ однихъ рубашонкахъ бѣгаютъ они и играютъ по улицамъ; но около 10 лѣтъ становятся въ лѣтнюю пору

---

*) Волостной судъ и сельскій сходъ преимущественно оправдываютъ мужа, исколотившаго свою жену. Со введеніемъ мировыхъ учреждений, крестьянамъ пришлось *не по нутру* наказанія за подобные проступки и они высказывались, что это «не ладный законъ — бабъ баловать», и что «мужъ вѣдь всегда полѣнъ въ своей женѣ и долженъ *учить* ее, такъ и въ законѣ Божіемъ сказано».

подмогой отцу и матери: дѣвочки остаются няньками при малыхъ ребятахъ, а мальчишки идутъ въ *подпаски* (помощники пастуховъ), смотрятъ за стадами овецъ, телятъ и свиней, помогаютъ отцу въ полѣ, бороньбѣ и проч.; вотъ почему крестьяне не оставляютъ дѣтей на лѣто въ школѣ, дѣвочекъ же совершенно неохотно и рѣдко отдаютъ туда.

Малороссіяне тѣхъ селеній, въ которыхъ они живутъ отдѣльно отъ русскихъ, удержали свой говоръ, нравы, обычаи и въ нѣкоторой степени свою одежду; тамъ же, гдѣ они поселены съ русскими, они усвоили многое изъ ихъ одѣянiя: даже будничная родная *плахта* (лоскутъ матерiи, узко обхватывающiй бедра женщины и едва спускающiйся ниже колѣнъ) стала замѣняться юбкой, но говоръ и типъ не поддаются еще обрусѣнiю. Малороссы народъ красивый и между дѣвушками встрѣчаются хорошенькiя съ бойкими черными и карими глазами. Нашъ народъ зоветъ ихъ *хохлами* и *хохлушками*. Разсматривая каждое селенiе, въ которомъ русскiе сидятъ съ малороссами, мы непремѣнно видимъ, что эти двѣ народности не смѣшиваются и живутъ отдѣльными частями поселенiя, часто раздѣленными рѣчкой или овражкомъ. Эти двѣ части села ведутъ всегда отдѣльныя хозяйства, снимаютъ врозь участки земель, и смѣшанные браки вообще встрѣчаются очень рѣдко.

Отличительная черта малороссiянъ отъ русскихъ — оуритность и лучшая обстановка жилья: въ ихъ *хатахъ*, хотя иногда и нѣтъ совершенно деревяннаго пола, но онъ всегда чисто выметенъ, горница свѣтлѣе, такъ какъ у каждаго малоросса, даже въ небольшой хатѣ, три-четыре окна; у всѣхъ избъ есть дымовыя трубы и *черной* топки, какъ у русскихъ, нѣтъ. Каждый годъ, къ Троицкуну дню, всѣ хаты безъ изъятiя хохлушки обмазываютъ снаружи, часто и внутри, глиной, бѣлятъ и расписываютъ какой-нибудь яркой краской; солома на ихъ крышахъ подрѣзана всегда аккуратно. Въ пищѣ малороссiяне тоже отличаются отъ русскихъ: любимыя блюда хохла — свиное соленое сало, вареники, галушки и непремѣнно пшеничный хлѣбъ; они заготавливаютъ на зиму изъ свекловицы, квася ее особымъ образомъ, *бураки*, изъ которыхъ варятъ *борщи*. Малороссiянки пекутъ *бублики* (крендели), которыми торгуютъ въ праздничные дни на базарахъ или около церквей. Хохоль лаптей не носитъ.

Мордва—большую частью средняго роста, съ выдающимся скулами, рѣдкой бородой, сѣрыми или голубыми глазами, иногда узкими и въ большинствѣ случаевъ большими; между женщинами и дѣвками нерѣдко попадаются красивыя лица. Одежда мужчинъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи — *пона́ра*, съ синей оторочкой по косому вороту и съ красной вышивкой по подолу, и набойчатыхъ холщевыхъ портовъ; на головѣ, не смотря на время года, носятъ они бѣлыя баранья шапки, часто съ прорваннымъ верхомъ; на ногахъ постоянно лапти и рѣдко сапоги, которые въ иныхъ семьяхъ хранятся какъ заветная вещь и надѣваются лишь по годовымъ праздникамъ или на свадьбѣ; зимой и лѣтомъ носятъ они полушубки, надѣвая зимою поверхъ ихъ тулупы или армяки изъ домашняго сукна. Одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой, узкой, холщевой рубахи — *пона́ра*, въ родѣ мѣшка, вышитаго по всѣмъ швамъ, груди и подолу, красной шерстью; рубаха эта дѣлается съ открытой грудью и стягивается на груди большимъ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ съ пряжкой; сверхъ рубахи надѣваютъ *шушпанъ*, родъ узкаго халата, съ разрѣзаннымъ передомъ; *шушпанъ*, какъ и *пона́ра*, имѣетъ короткіе по локоть, узкіе рукава и по всѣмъ швамъ, груди, плечамъ и подолу разшитъ красной шерстью и гарусомъ, съ блестками и мишурою. Кромѣ того, до 1850 годовъ (с. Оркино, Саратовскаго уѣзда) женщины носили *пока́й*, родъ шушпана, только спереди и имѣвшаго совершенно видъ мѣшка; *пока́й* весь вышивался красными шерстями, блестками и нерѣдко золотомъ, такъ что бѣлыя холстовыя полосы оставались не болѣе какъ въ $\frac{1}{4}$ аршина ширины и весь *пока́й* блестѣлъ словно парчевый. Передъ закрывается краснымъ узкимъ передникомъ, иногда съ грудью, иногда и безъ груди; послѣдній и низъ передника вышиваются или обшиваются кружевами и прошивками; талія перетягивается поясомъ, на который привѣшиваютъ для разныхъ мелкихъ вещей *лакомку*, и сверху краснымъ шерстянымъ кушакомъ. На голову бабы надѣваютъ нечто въ родѣ мѣшка, спереди твердо вышитаго разными шерстями, преимущественно красной, блестками и мишурою: это — *шылыганъ*, въ который они убираютъ голову совсѣмъ съ ушами, такъ что и волосъ нигдѣ не видно, кромѣ какъ на вискахъ, гдѣ они выпускаютъ пряди, которыя щеголихи завиваютъ въ кудри; сзади *шылыганъ* стяги-

вается завязкой и спускается на спину бѣлымъ холщевымъ или коленкоровымъ четырехъ-угольнымъ концомъ, длиною вершковъ въ шесть, и тяжело вышитымъ по краямъ; надъ ушами къ шлыгаву привѣшиваются маленькія мѣдныя бляшки или пуговицы, по три на сторону. Женская обувь состоитъ большею частью изъ лаптей и рѣдко изъ тяжелыхъ, неуклюжей формы, башмаковъ — *коты*. Мордовки щеголяютъ украшеніями: огромныя мѣдныя или оловячныя серьги; на пальцахъ — масса мѣдныхъ и оловячныхъ колецъ; въ особенности у дѣвушекъ; бусы, стеклярусъ или нанизанныя на шнурокъ раковинки рядовъ въ 9 окружаютъ шею, спускаясь на грудь; причемъ на каждомъ изъ нихъ непременно крестъ или серебряная мелкая монета. Нарядъ дѣвушекъ и молодыхъ (*урьва*: первый годъ замужества) отличается отъ бабьего только тѣмъ, что они не носятъ *шлымановъ*, а заплетаютъ волосы въ одну косу, вплетая въ нее узенькую ленточку съ кистью красныхъ шерстяныхъ нитокъ съ блестками на концѣ. Дѣвушки рѣдко покрываютъ головы платками (непременно красными); лѣто и зиму, несмотря на сильные холода, ходятъ они большею частью съ открытыми головами. Нѣкоторыя женщины вьхаютъ, а нныя курятъ изъ трубокъ махорку.

Улицы въ мордовскихъ селеніяхъ большею частью неправильны и узки; большинство избъ стоятъ на улицу бокомъ или задомъ, или же вовсе на дворѣ; крыты онѣ соломой; строятся обыкновенно изъ черволаѣся, тонкихъ и корявыхъ бревешекъ; стѣны обмазываются глиной, въ нихъ прорубаютъ небольшія окна, большею частью разной величины. Въ рѣдкихъ избахъ есть досчатые полы; топка преимущественно по *черному*, даже въ тѣхъ, гдѣ есть трубы. Зимой, кромѣ людей, помѣщаются въ избѣ телята, ягнята, поросята, куры, и воздухъ мордовскаго жилья пропитанъ одуряющей вонью; къ тому же не достаетъ и дневного свѣта, такъ какъ маленькія окна промерзаютъ насквозь; всюду грязь, нечистота, по щелямъ тысячи таракановъ, вездѣ виситъ паутина; обитатели этихъ грязныхъ жилищъ часто страдаютъ кожными и глазами болѣзнями. Колыбель младенца, *лаусъ* (корзинка или загнутый изъ лубка ящикъ), набита соломой или трухой, покрытой ветошкой или старымъ шупшаномъ; все это рѣдко просушивается и еще рѣже мѣняется.

Нѣмцы до сихъ поръ въ нашемъ краѣ составляютъ совершенно обособленный типъ; они не смѣшиваются браками ни съ одной народностью. Улицы въ ихъ селеніяхъ (*колоніасы*, какъ называютъ русскіе)—прямыя и пересѣкаются такими же поперечными, образуя кварталы; способъ постройки и расположеніе дворовъ колонисты усвоили отъ русскихъ крестьянъ, но внутреннее расположеніе жилищъ, обстановка и чистота рѣзко отлчаются отъ крестьянскихъ: у нихъ нѣтъ ни русскихъ палатей и паръ, ни громадной печи; полы всегда выметены и при входѣ усыпаны свѣжимъ пескомъ. Нѣмцы большіе охотники до пестраго убранства комнатъ: столы, скамейки, сундуки, шкафы, часто ставни и двери, большею частью, пестрятъ яркими красками. Въ каждомъ домѣ стоитъ въ углу лучшей комнаты высокая двухспальная кровать съ пестрымъ пологомъ, массою подушекъ и ловко взбитымъ пуховникомъ вмѣсто одеяла; здѣсь помѣщается глава семейства съ своей супругой, остальные члены размѣщаются на почъ на полу, или въ другой комнатѣ на постели, но безъ полога. Одежда колонистовъ-мужчинъ состоитъ: лѣтняя — изъ картуза, бѣлой рубахи, темносинихъ, коричневыхъ или черныхъ холщевыхъ панталонъ, черной или пестрой жилетки, съ стеклянными или металлическими пуговицами, изъ кафтана, длиннополаго сюртука или куртки темной матеріи; лаптей они не носятъ; бороду и усы брѣютъ. Женщины носятъ лѣтомъ короткія темносинія холщевыя домашняго издѣлія, въ будни, и цвѣтныя по праздникамъ, юбки; передники, бѣлыя рубашки и кофты преимущественно темныхъ цвѣтовъ; на головѣ платокъ, а на ногахъ бѣлыя, синіе или пестрые чулки — своей работы. Зимой нѣмцы ходятъ въ овчинныхъ тулупахъ, полушубкахъ и мѣховыхъ шапкахъ. Между дѣвушками встрѣчаются очень красивыя, но почти всѣ молодые мужчины худощавы и узкогруды. Колонисты большею частью грубы и невѣжливы, характеръ ихъ настойчивъ и упрямъ. Они составляютъ весьма живучую и плодовитую расу: у меня въ рукахъ документы по движенію населенія Ягодно-Полянской волости, Саратовскаго уѣзда (опубликованные мною въ «Саратовскомъ Сборникѣ», т. II), въ которыхъ видно, что въ двухъ нѣмецкихъ селеніяхъ этой волости: Ягодно-Полявѣ и Побочной, по 5-й ревизіи 1783 года числилось 400 душъ мужск. пола и 400 женскаго, итого 800 душъ обоюго пола; къ

1 января 1879 г. въ этихъ двухъ колоніяхъ считалось 4153 души мужскаго пола и 4186 женскаго, всего 8339 душъ обоого пола нѣмцевъ; слѣдовательно населеніе увеличилось въ 90 лѣтъ болѣе чемъ въ 10 разъ, не включая выселившихся съ 1857 года изъ этихъ двухъ колоній въ Самарскую губернію 1.724 ревизскихъ душъ, что дало-бы значительную цифру прироста. Болѣе половины здѣшнихъ колонистовъ почти совершенно не говорятъ по-русски, что же касается до женщинъ, то едва ли найдутся двѣ или три въ каждомъ селеніи, умѣющихъ сказать нѣсколько русскихъ словъ. Колонисты на русскихъ не женятся, обрядовая жизнь не поддавалась до сихъ поръ обрусѣнію и сохранилась болѣе столѣтія совершенно своеобразною.

Изстари существуютъ въ нашемъ простомъ народѣ свои повѣрья и предрасудки; глубоко пустили они корни въ той средѣ, куда не заглядывало не только образованіе, но и грамотность, гдѣ дѣти жили, думали и смотрѣли, какъ ихъ прадѣды, гдѣ недавно еще слышалось: «къ чему грамота, мы и наши дѣды жили безъ нея, да безъ хлѣба не сидѣли; грамотные люди отцу, матери не почетники, они имъ говорятъ: мы въ лѣсу росли, пельку молились». И дѣти вѣрили грубымъ рассказамъ о колдунахъ, вѣдьмахъ, домовыхъ, лѣшихъ, проклятыхъ, русалкахъ и проч. «Дѣдушка мой самъ мнѣ говорилъ, — рассказываетъ въ с. Колѣнѣ, Аткарскаго уѣзда, пожилой крестьянинъ, — что былъ на свадьбѣ и видѣлъ *колдуна*: сидѣлъ онъ на почетномъ мѣстѣ и всѣ ему кланялись, угощали его на славу и ни въ чемъ не перечили, а то испортить; три изъ нашего села *кличутъ* *) отъ него, да двое ходятъ на четверенькахъ. Жилъ онъ долго, навѣлъ денегъ пропасть, а какъ сталъ умирать, такъ *конскы ломали* **); въ полночь всталъ онъ изъ гроба и бѣгалъ за дьячкомъ, который читалъ

*) *Кличутъ кликуши* или испорченныя, чаще всего женщины. *Кликауе* есть истерическій прерывистый крикъ. *Кликуши* были очень часты въ крѣпостное время, когда большая часть лѣтнихъ бабъ притворялись испорченными, чтобы не ходить на барщину; ихъ пронзительный, судорожный крикъ, лаяніе, кудахтанье часто раздавались въ деревенскихъ церквахъ во время Херувимской и передъ причастіемъ, производя на насъ, дѣтей, непріятное впечатлѣніе. Теперь съ уничтоженіемъ крѣпостного права *кликуши* стали очень рѣдки. *Кликуши* были и въ старину на Руси. Изъ дѣлъ бывшаго Вольскаго духовнаго правленія (Труды Саратов. ученой архивной Коммиссіи, т. II, выш. 2, 1883) видно, что 13 мая 1773 г. послѣдовалъ указъ св. синода о воспрещеніи духовенству пѣть молебны и читать слово Божіе надъ *кликушами* и прочими порченными людьми, о которыхъ «не иное должно имѣть разсужденіе, какъ о прямомъ притворствѣ, и обманѣ, и суевѣріи».

***) Есть повѣрье, что *колдунъ* не можетъ умереть безъ того, чтобы не сломали крышу надъ тѣмъ домомъ, гдѣ онъ кончается. *Конькомъ* называется верхъ крыши.

исалтырь; а зарывали его, такъ въ могилу заколотили осиновый колъ, чтобы не могъ встать» *).

Въ Саратовской губерніи народъ вполне вѣритъ, что колдунъ можетъ портить людей, наговаривъ на воду, на хлѣбъ, пустивъ по вѣтру или вынувъ слѣдъ. Порчу считаютъ двойкою — или на смерть, или съ возможнымъ выздоровленіемъ: въ последнемъ случаѣ надо обратиться къ испортившему или другому сильнѣйшему *знахарю*; плохой можетъ только раздражить сидящую въ больномъ нечистую силу.

Въ Полчанновской волости, Саратовскаго уѣзда, многіе еще твердо вѣрятъ въ чародѣйскую силу *колдуновъ*. Изъ разсказовъ видно, что эта сила дѣйствуетъ только на другихъ, но сами себя они никогда и ни во что превратить не могутъ, т. е. не въ состояніи быть *оборотнями* (по повѣрьямъ другихъ мѣстностей края, колдунъ можетъ обратиться въ звѣря, въ птицу, рыбу и проч., что увидимъ ниже). Вѣрятъ вполне, что колдуны имѣютъ при себѣ какія-то записки или маленькія книжки, которыхъ никто не видитъ и не знаетъ, что въ нихъ написано; записки эти они всегда носятъ въ тайнѣ, подъ пяткой въ сапогѣ или лаптѣ; если колдунъ не грамотный, то можетъ также дѣйствовать какъ грамотный, такъ какъ достаточно того, что онъ носитъ при себѣ эти таинственныя письмена. Причиняютъ эти лихіе люди вредъ обыкновенно тѣмъ, на кого злы. Они «портятъ», *навышиваютъ килу* какъ скотинѣ, такъ и человѣку **), и *сажаютъ бѣса* черезъ наговоръ на какую-либо

---

*) *Забиваніе кола въ могилу* встрѣчается и у румынъ: они вѣрятъ, что рыжій человѣкъ послѣ смерти можетъ являться собакой или лягушкой, а также обращаться въ клона или блоху и пить кровь молодыхъ дѣвушекъ; чтобы избѣжать этого, румыны бѣшено заколачиваютъ гробъ рыжаго покойника, а могилу прокалываютъ коломъ.

**) Крестьяне Полчанновской волости (1885 г.) до сихъ поръ вполне убѣждены, что колдунъ можетъ *подѣлать килу* (шишку, опухоль, грыжу) какъ человѣку, такъ и животному, глазомъ, по вѣтру или наговоромъ. Они называютъ нѣсколько такихъ злыхъ людей: въ дер. Федоровкѣ Игната Семенова Арсапохина (наказаннаго 10 ударами розогъ за угрозы, по рѣшенію волостнаго суда 17 мая 1885 г., № 40), въ дер. Камаровкѣ Ивана Тимошеева и другихъ, вполне убѣжденные въ указываемыхъ ими случаяхъ. Тотъ, у кого покажется кила или шишка, идетъ къ известному *знахарю*, какъ напр. къ Степану Жукову и другимъ, которые *отвязываютъ килу*. Въ 1886 г. умеръ въ дер. Федоровкѣ крестьянинъ Федотъ Евстифѣевъ; между его братьями и вдовой покойнаго Афросиньей затѣвается тяжба о раздѣлѣ имущества; черезъ нѣсколько времени одинъ изъ

вещь или же просто однимъ взглядомъ: въ наговоренной вещи засядетъ нечистый духъ, и колдунъ либо передаетъ ее самъ въ руки, или бросаетъ, куда ему нужно; въ послѣднемъ случаѣ, въ перваго поднявшаго входитъ нечистая сила и дня черезъ два или три онъ начинаетъ бѣситься. Вотъ почему крестьяне очень осторожны при находкахъ: нашедши на дорогѣ или въ полѣ какую-либо вещь, онъ творитъ молитву и сдуваетъ съ нея нечистую силу; тогда наговоръ исчезаетъ и нѣтъ опасности взять находку въ руки. Когда человѣкъ подвергнется *порчѣ* и въ немъ сидитъ нечистый духъ, то другіе, легковѣрные, приходятъ къ нему ворожить: кто о пронажѣ, кто о своей будущности, а иной просто изъ любопытства, и если нечистый духъ захочетъ открыть тайну, то *сказываетъ*, но бываютъ случаи, что и *не сказываетъ*. Прежде чѣмъ идти ворожить, надо обязательно узнать имя и отчество нечистаго духа (имя это непременно мужескаго рода, будь испорчена баба или дѣвка) и тогда, подходи къ нему, надо назвать его именемъ, отчествомъ и сказать: «я-де пришелъ или пришла поворожить о томъ-то»; духъ начинаетъ биться, кричать и черезъ нѣсколько минутъ падаетъ со всего размаху на полъ; съ полъ-часа лежитъ совершенно бездыханный, неподвижный трупъ; въ это время, говорятъ, духъ вылетаетъ изъ человѣка и рыскаетъ по свѣту, отыскивая то, о чемъ просили. Наконецъ духъ возвращается и входитъ опять въ тѣло испорченнаго, члены начинаютъ шевелиться, руки и ноги размахиваются, глаза открываются большіе, бѣлые, горящіе огнемъ; одержимый бѣсомъ быстро вскакиваетъ и, садясь въ углу на скамьѣ, начинаетъ сказывать, что то-то найдется или нѣтъ, того-то нужно ожидать.

Говорятъ (Полчанниковская волость), что для открытія въ селѣ колдуновъ существуетъ слѣдующій способъ. Въ продолженіи всего Великаго поста, каждый понедѣльникъ надо рубить дрова и всякій разъ бросать по нѣсколько полѣнъ на подловку (чердакъ),

---

братевъ, Данила Евстифѣевъ, умираетъ отъ грижи, потомъ начинаетъ болѣть скотина другого Евстифѣева Михаила (бывшаго волости старшиною), на шеяхъ коровъ показываются шишки, и вскорѣ заболѣваетъ грижей и Михайла: явилось въ народѣ полное убѣжденіе, что это вдова Афросинья по злобѣ портитъ и навѣшиваетъ на нихъ килы. Мнѣ едва удалось уговорить Михайлу обратиться не къ знахарю, а къ врачу, и теперь онъ поправился.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.—Краткій этнографическій очеркъ.—Народности, населяющія Саратовскую губернію: русскіе; малороссы; вѣмцы; инородцы—мордва, чуваша, мещера, цыгане. Мѣстности, занимаемыя каждымъ изъ племенъ (стр. 1—3). Типы, жилье, одежда у русскихъ (3—8), малорусовъ (8), мордвы (9—10), вѣмцевъ (11—12).

Народныя повѣрья.—Колдуны (стр. 13—16). Колдуны—разбойничьи атаманы (17—18). Малорусскіе чаровники (18—19). Знахаря и знахарки (19—20). Проклятіе, зѣліе (20—21). Русалки (21—22). Домовой, хозяинъ (22—23). Огненный змѣй (23—24). Обороти и вѣдьмы у русскихъ и малорусовъ (24—28). Суевѣрія мордвы (28—29).

Преданія о кладахъ и разбойникахъ.—Клады и разрывъ-трава, «спрыгъ», «Петровъ-крестъ» (стр. 29—31). Разрываніе кладовъ въ пещерахъ и оврагахъ (31). Разбойничьи клады (32). Преданія о Кудеяровой горѣ и самомъ разбойникѣ Кудеярѣ (33—37). Будапона гора (37). Курганъ Стеньки Разина; «Тюрма» или «Дурманъ» (38—39). Уракова гора (39—40). Курганы, «мары», «могилы» въ разныхъ мѣстностяхъ Саратовскаго края: Кладоуша, Дорошха, Дѣвичьи горы, Высокая могила, Мамаевъ яръ, Тарасова могила, Перезданская могила, Царскія могильницы, Быкъ-гора, Улановъ оврагъ (40—43). Змѣй—хранитель клада; Змѣвья горы (43—45)

Ворожба и гаданье. Повѣрья. Народное леченіе.—Гаданіе на наукѣ, на углѣ, на вихлѣ, баншачкомъ и др. (стр. 45—46); повѣрья объ огнѣ, о сѣменахъ для посѣва (46); гаданья у мордвы (46—47). Ворожен и гадальщицы (47). Вѣра въ предзнаменованія; примѣты; заговариванье зубовъ, клоновъ, крысъ, мышей и пр. (47—49). Порча, приворотныя зелья и корень; примѣты по крику птицъ,—перейти путь и пр. (49—50). Средство противъ засухи—бросить въ воду или оврагъ онойцу (50). Средство противъ смертности дѣтей—«встрѣчные крестные»; «прикалыванье» дѣтскихъ болѣзней; предохраненіе ребенка отъ вѣдуна или отъ болѣзни у мордвы (50—52). «Грамотка отъ лихорадки» (52—54). Суевѣрныя средства отъ болѣзней и скотскаго падежа—у русскихъ, вѣмцевъ, мордвы (54—57).

Апокрифическія сказанія и рукописи (стр. 57).—Сказаніе объ Адамѣ (58—60). Сонъ Богородицы—рукописный (60—62), какъ заговоръ (62—63), какъ стихъ, имѣющій также значеніе охраны (63—65); варианты рукописи (65—67). Свитокъ Іерусалимскій (67—69). Сказаніе о мукахъ (69—70). Видѣніе ап. Павла, въ пересказѣ (70—72). Списокъ

дней, добрыхъ и злыхъ (72). Слово отъ хожденія пр. Богородицы (тоже «Сказаніе о мукахъ», въ вариантѣ) и пр. (72—75). «Двѣнадцать пятинцевъ годовые» (75—76). Псалмы (76). Историческія справки о степени образованія духовенства въ старину (77—80). Пѣсня страннаго нищаго (80).

Заговоры.—Мужчины на женщину, чтобы тосковала о немъ и не могла безъ него жить;—на примиреніе мужа съ женой;—о томъ, чтобы мужъ не билъ свою жену (стр. 80—82). Заговоры о пчелахъ (82—84). Заговоры противъ стрѣль, ядеръ и пушекъ (84—85). Молитвы: отъ лихихъ враговъ; отъ напасти; отъ грыжи; отъ лихорадки; Кресту, Богу-Отцу; во имя Господне; отъ виннаго запойства; аще кто возненавидитъ, мужъ жену или жена мужа; отъ падежа скота и лошадей и отъ съяденія звѣрей; отъ зубной боли (85—88).

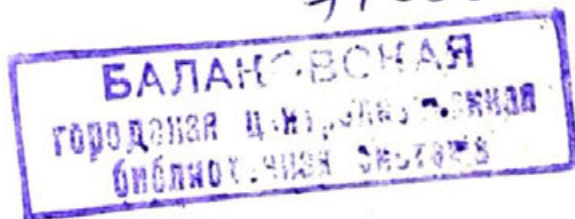
Праздничные обычаи, обряды и пѣсни.—Новый годъ, пѣсня «таусень» (стр. 88—90). Рождественскіе обычаи у русскихъ и мордвы; мордовская коляда (90—93); Рождественскіе обычаи и пѣсни у малоруссовъ (93—99); у пѣмцевъ (99—100). Масляница (100). Весенніе праздники и обычаи; великій постъ и пасха у русскихъ и малоруссовъ (100—102). Преполовенье, Вознесенье, Троицынъ день—обычаи и пѣсни; кумовство между женщинами (102—105). Русальское воскресенье; Иванъ Купала у русскихъ и малоруссовъ (105—107). Десятая пятница; Первый Спасъ; Спожинки; Спаса Преображеніе; день св. Флора и Лавра; Иванъ Постный; Рождество Богородицы; Воздвиженіе (107—109). Мордовскіе обычаи на Покровъ, ссычичины (109—110). Дмитрова суббота; осеннія вечерницы у малоруссовъ; Козьма и Демьянъ (110—111). Мѣстные праздники — престоль (111). Посты (111—112). Мордовскіе моляны (112—114).

Свадебные обряды.—У русскихъ: смотривы, «осмотръ уголковъ», запой, свадьба. Продажа невестиной косы и пр. (стр. 115—120). Свадьба у малоруссовъ (120—124). Свадебные обычаи у мордвы; браки «уходомъ» (124—129). Свадебные обычаи у пѣмцевъ (129—130).

Похоронные обычаи. У русскихъ и пѣмцевъ; кладбища русскія и пѣмецкія (стр. 131—132). Поминовенье умершихъ; «родительскія» у русскихъ и малоруссовъ (132—133). Похоронные обычаи мордвы (133—137). Обычаи чувашъ (137—138).

Секты у русскихъ и пѣмцевъ (стр. 139—150).

71085-113

**Библиографический список трудов А. Н. Минха
по этнографии и фольклору Саратовского края**

Аткарский уезд//Сарат. губ. вед. — 1880. — № 58, 60, 63, 69, 75, 94, 111, 117. — Перепечат. в «Сарат. сборнике». — Саратов, 1881. — Т. 1. — С. 65—176.

Кладбища в Саратове//Сарат. губ. вед. — 1881. — № 203, 205.

Саратовский уезд: I. Пограничные местности в Петровском уезде. II. Ягодно-Полянская волость//Сарат. сборник: Материалы для изучения Саратов. губ./Изд. Саратов. стат. ком. — Саратов, 1882. — Т. 11. — С. 203—327.

Легендарные урочища волжского побережья в пределах Саратовского края//Сарат. листок. — 1888. — № 258.

Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861—1888 годах//Записки Импер. Рус. Геогр. Общ. по отделению этнографии. — Т. XIX. — Вып. 11.

Отд. оттиск. — СПб., 1890. — 8°. — 11—152 с.

Этнографический очерк народностей, населяющих Саратовскую губернию//Адрес-календарь Саратовской губернии на 1891 год. — С. 8—17.

Предания об основании городов Саратовской губернии//Сарат. листок. — 1891. — № 53.

Легенды о Кудеяре в Саратовской губернии//Там же. — 1891. — № 99; 1894. — № 151.

Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии//Этногр. обозр.— 1892. — № 4. — С. 116—128.

Релей в народных обрядах и песнях//Там же. — 1893. — № 2.— С. 191—192.

Снохачество и снохачи//Труды Саратов. ученой арх. комиссии. — 1903. — Вып. 23. — С. 31—34.

Быт духовенства Саратовского края XVIII и в начале XIX столетия//Там же. — 1908. — Вып. 24. — С. 55—73.

Описание села Оркина Саратовского уезда//Мордовский сборник, составленный А. А. Шахматовым (Изд. Императ. Акад. Наук. — СПб., 1910. — С. 681—720.

Список подготовила Т. Н. Молева.
При составлении списка был
использован указатель С. Д. Соколова
«Саратовцы писатели и ученые» *.

* См.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1916. — Вып. 33. — С. 264—268.

Александр Николаевич Минх

**НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ, ПРЕДРАССУДКИ
И ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

СОБРАНЫ В 1861—1888 ГОДАХ

**Художник Е. И. Бочаров
Редактор Т. Н. Молева**

Сдано в набор 10.08.94 г. Подписано к печати 4.10.94 г. Формат 70×
×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,54. Тираж 2000. Заказ 572.

ГП «Полиграфист». 410730, Саратов, пр. Кирова, 27.

